

Лев
Мирошниченко

*Ножницы ног
стригут
время*

СГУЩЕНЬЕ СЛОВ

ВЕРЛИБРЫ

Москва, 2017

**Лев
Мирошниченко**

СГУЩЕНЬЕ СЛОВ

ВЕРЛИБРЫ

**Издательство «Перо»
Москва, 2017**

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
М64

Мирошниченко Л. Д.
М 64 **СГУЩЕНЬЕ СЛОВ.** Верлибры.–
М.: Издательство «Перо», 2017. –
181 с.

ISBN 978-5-906927-17-0

Сборник поэтических произведений в жанре «свободного стиха» (верлибра). Созданные преимущественно в недавние годы, они отражают обострённое авторское восприятие современных нравственных проблем и человеческих душ, пребывающих в тисках обыденности и неопределённости текущей жизни, при непростой обстановке в стране. Ряд произведений (большого формата) относится к 1980–1990-м годам. Стилистически творчество автора находится скорее в общем русле развития русского верлибра, с его преимуществами словесной гибкости и выразительности. Характерны насыщенная лиричность, экспрессия, ирония и самоирония, взгляд на жизнь через образы природы.

ISBN 978-5-906927-17-0

© Мирошниченко Л. Д., 2017

І. Я лечу в свою судьбу

ТУННЕЛЬ

Я лечу
 в свою судьбу,
как в бескрайний туннель,
 и сгораю на лету.
Я лечу, улетаю от всех,
 кто мне дорог,
 кого
 не хотел бы терять.
Улетаю от прожитых дней,
 что остаются позади
 цепочкой светлых пятен,
 уменьшаясь вдали.
Я уношу с собой в темноту
 все недóжитые ночи и дни
 и все свои сны.
Я такой же, как все.

Где-то рядом, возможно,
летят другие,
каждый в своём туннеле.

Умоляю:

не молчите!

Кажется, кто-то кричит...

А может быть, это мой голос
мечется

среди тесных
невидимых стен?..

1987; 1995

Все ушли,
кого когда-то
я обидел.

И не попросить мне у них
прощения

теперь,
когда я понял,
что я их
обидел.

2012

Какой загадочный
и непростой
 этот простор!
Простор души,
 среди распахнутых полей
 в кольце лесов.
И хочется,
 и боязно
в таком парить.

Сентябрь, 2016

Небо затянуло
серой
 смирительной рубашкой
 туч.
Теперь я
 чувствую себя свободным
 от его объятий.

Апрель, 2016

ОБМАН СТЕКЛА

Обман стекла.
Мираж простора в небесах.
Коварная подделка глубины.
Фальшивый воздух.
Лживый трепет сердца.
Жемчужина украденной слезы.

Пора разбить стекло.
Разбить окно.
Разбить стеклянные глаза.
Прорваться.
И продраться,
 обдирая в клочья кожу.

Спасти
 обмотанную в кровоподтёки душу.
Спасться,
 теряя смысла крылья.
Искать, надеяться, иметь.
Держать и проклинать.

Москва, 1982

КЛЁН

За моим окном
 в сырой осенней темноте
возился и царапался в стекло,
 просясь в натопленную избу,
молоденький,
 прозябший до сердцевины
 клён,
уж как-то быстро растерявший на ветру
 всю пёструю свою одежду.
Я выкопал бы его,
бедняжку,
 и впустил.
Но не было
 годящейся лопаты.

ОКТЯБРЬ

Прозрачен облетевший лес.
Пустынны небеса.
Ни птиц, ни комаров,
 ни ветерка.

Молчанье –
в ожидании дождя.
А сырость неизбежных слёз
нисколько не заполнит
пустоту.

Октябрь, 2003

Я ТЕНЬ

Я – это не я.
Я тень,
дрожащая на сквозняке.
Остаток откипевших ожиданий.
Унылый кашель
не состоявшейся весны.
Пытался петь –
и поперхнулся,
вдруг осознав,
что надо бы рычать.
Однако, не хватало нам ещё
рычащей тени.

Дрожи, друг, шелести
пустыми листьями фольги
 воспоминаний ни о чем.
Давно всё отгорело.
Пепел унесло
 с белёсым горьким дымом.
Шевелятся в золе на сквозняке
 истлевшие клочки.
Что было в них завёрнуто?
Никто не знает,
да и не хочет знать.
Осталась дрожь.
Озноб и кашель
 полупрозрачной тени,
с попыткой вспоминать.

Москва, 1994

КАК ВСЁ ПРОСТО

Просто –
 вода в тихом пруду.
Просто –
 небо.
Просто –
листья
 на прибрежных деревьях,
 прокрашенные лучами
простого солнца,
 садящегося в банальную цепочку
розово-жемчужных облачков на
горизонте,
 в конце июля.

И почему так сильно
и не просто
 всё это тебя волнует?
Ты приглядишь,
 как без пустых волнений,
засунув клюв под мягкое крыло,
 уходит голубь в тихий сон,

присев на толстый тёмный сук
спокойного
простого дуба.

2015

Сумей, поэт,
и в серости
увидеть радость.
И ощутить её –
назло глазам –
за серым занавесом
холодного дождя,
опущенным в конце
блестящего спектакля лета.
Давай-ка,
напрягись.

Октябрь, 2016

ПРИШЁЛ ПОКОЙ ЗИМЫ

С утра

над мёрзлым горизонтом плоских крыш
глядит бесстрастно и в упор,
прищурившись из-под седых бровей,
на нас декабрь.

Сквозь неподвижный белый дым
неясно выглянуло солнце.

Застывшие пруды
покрылись твёрдым,
и пока прозрачным синим льдом.

Пришёл покой зимы,
но он,
как и покой паралича,
совсем не дал
спокойной ясности душе,
застывшей в наледи терпенья.

Зажалась, глупая,
и ждёт весну.

Сиди и жди.
Сегодня избегая
излишней теплоты.

Декабрь, 2001

Бывает
человек-оркестр,
от которого хочется бежать,
заткнув уши.
А есть
человек-костёр,
который согревает
даже издали.

ОКУРОК

От жизни остаётся лишь окурок,
на несколько коротеньких затяжек,
и он ещё дымит...

Ну, пусть окурок,
он

по-своему красив:
с кудрями мягкого седого пепла
в чернявом венчике
обугленной бумаги.

Когда-то был он
новой длинной сигаретой
(и, вроде, неплохого сорта),
готовой к исполнению призыва:
гореть, гореть –
без страха, без отказа, без конца.

Но всё кончается,
заряд остался лишь
на несколько затяжек.

Как растянуть?
И надо ли?

Быть может, лучше сразу осветить
смеркающийся воздух
одной последней яркой вспышкой
и замереть уж навсегда?

А память обо всём, что было,
останется внутри ненужного теперь
бумажного обрубка.
В нём в виде копоти и сажи
запечатлилась,
быть может, замечательная жизнь
свершившегося горенья.

Но только жаль:
никто не вздумает
взглянуть в его нутро,
чтобы узнать,
какие чувства, и надежды, и волненья
смешались в запахе
пропитанной смолой бумаги!
Какие мысли тайные прошли
здесь вместе с воздухом дыханья,
вздувавшего огонь...

Никто не развернёт и не прочтёт
такой богатый откровеннейший дневник.

Подобный

не напишется пером.

И это всё летит с одним плевком

в ближайшую канаву или лужу...

...Окурок мой, ты погори ещё чуть-чуть!
Хотя б ещё немного...

Январь, 2002

Жизнь –

это длинная

пассажирская дорога

со множеством остановок в пути.

На всех ли

ты выходил

когда-нибудь,

чтоб оглядеться вокруг?

Несостоявшееся будущее,
печально сторбившись,
уходит в прошлое...

Очищающие раскаянием
воспоминания:
кого ты не до-
обнял,
кого не до-
поцеловал.
В конечном счёте,
не до-
обнял
и себя.

2016

Какой он тёплый
одинокий дом
на том высоком берегу,
 в косых оранжевых лучах
 садящегося солнца!
А я стою́ здесь,
 на невысоком,
такой же одинокий,
 но без тепла в душе.
Хоть также освещён зарёй.

II. Прыснули лучи из дырки облаков

ДЕКАБРЬ

Обрубок дня,
увязший в снежной целине.
Озноб берёз,
раздетых
до последнего листа.
Пунктир мышиноного следа
на чистом белом полотне
в пустом саду.
Остывшая заря.
Псалом без звуков и без слов.
Цветные сны.

Декабрь, 2003

Перепутанная проволока
голых древесных вершин
пытается размешать
зимнюю блёклость неба.

Зимнее дерево –
в сыром туманном воздухе,
когда на его ветки,
словно на рёбра,
налипает снег,
выглядит
озябшим
скелетом.

Декабрь, 2014

Увидеть чёрных птиц,
запутавшихся в марле
падающего снега –
о чём это предвестие?

Декабрь, 2014

Мерцающие вспышки
холодных снежинок
над зажёгшимся фонарём.

Декабрь, 2014

Глубина зимы –
это сугробы снега
на пятых этажах
еловых лап в лесу
и стаи снежных

пухлых птичек
на тёмных голых
ветках лип.

Вспухли сугробы
на обочине аллеи парка
в свете зажёгшихся
робких фонарей.

Разговор немых
чёрных стволов
в белом снегу
в безлюдном ночном парке.

Широкий веер
голового зимнего куста
на снегу
в просторном поле.
Кого он обдувает?

Чёрные иероглифы
перепутанных голых веток
на фоне голубого
мартовского неба.
Когда ветки получают листья,
возможно, что-то и прочтётся.

Закатное солнце
оседало
в остатки мокрого снега
в весеннем лесу
и не шипело.

Повисла первая звёздочка
на кончике голой ветки,
на фоне бледного
мартовского неба.

Телеграммы почек
на весенних ветках.
Получите.
Распишитесь.

Мигающие
лесные глаза
заката.

Мчится вершина сосны
к облакам.

Солнце,
садясь в лесу,
воткнулось в гнилой пень.
Хватит ли
у такого большого пня
мокрой холодной гнили,
чтоб загасить светило?

Берёза на краю леса,
над оврагом,
сильно наклонившись
и, раскинув широко
 белые руки,
кричит:
– Падаю! Падаю! –
А следующей весной,
ожидая поезда
на пустынной платформе,
опять я вижу,
 что она ещё падает
в том же положении,
с берега того же оврага.
Вся – в кружеве сочных листьев,
и всё ещё кричит,
 кокетка.

Прыснули лучи
из дырки облаков.

Какая симпатичная
пухляя тучка!
Так и просится
быть наколотой на вилку!

Малярная желтизна
остатков влажного
весеннего заката.

11.03.2015

Заходящее солнце
чистило свои жёлтые зубы
щёточкой вершин
дальнего леса.

Весёлый дуб на краю оврага
задрал могучую ветку вверх
к своей пышной кроне:

– Привет!

– Привет! – сердечно
я помахал ему.

Прижались две тонкие
молоденькие берёзки
к толстому тёмному дубу,
вовсе бесчувственному
ко всяким нежностям.
Да он их просто не заметил.

Солнце пристально смотрело,
моргая от дыма,
на грандиозный лесной пожар.
Завидовало?

Май, 2016

Задумчиво пульсирует вода
меж тёмных свай
ведущего
в никуда
моста.

Столько прошло
проливных дождей,
что даже вороны
потяжелели.
Есть ещё силы лететь,
но не хватает,
чтобы при этом
каркать.

Мелькают зубы редких фонарей
в опасном мраке
запущенного парка.

Февраль, 2015

Вот куст проснулся
на рассвете
на склоне берега реки
и вынырнул из мягкого тумана
свободно подышать –
с поплёкшим гребнем месяца
в кудрявых волосах.

2015

ДОСТУПНОСТЬ БЕССМЕРТИЯ

Многим очень хочется
считать себя частью
красавицы-природы
и почувствовать
слитным неразрывно с ней.
Природа бессмертна –
при смертности
её составных частей.
Значит, и ты,
её малюсенький кусочек

с твоим чувством слияния с ней,
вполне законно

можешь посчитать себя
бессмертным.

Так сказать,
влезть задарма
в бессмертие.

Попробуй!

Солнце, поёживаясь,
вылезло
из зарослей крапивы
и стало нежным,
ласковым
и тёплым.

Струя извиистой тропинки
стекала вниз
по откосу оврага.

Струны
лесных отражений
в рояле озера.

Вид спокойно плывущей чайки,
да ещё белой,
как-то успокаивает.
Плывёт с величавостью лебедя,
и не кричит истерично,
как это делает в небе.

День застыдился
свершившихся, как всегда,
неблагородных дел,
и к вечеру зарделся
стеснительным румянцем.

2015

Взрыв заката.

Всплывают сумерки
из тихого глубокого оврага,
стирая наверху
среди деревьев
остатки исчезающей зари.

Кажется ли младенцу
в коляске,
как и мне,
румянец заката нежным?

Запятая
вечернего солнца
на пустой странице
неба.

Солнце,
сползая к закату,
стукнулось лбом
об угол
бетонной коробки дома,
заслонившего горизонт.
Обошлось без взаимного
сотрясения мозга.

Уполз за горизонт
обширный розовый закат,
и всё вокруг
уменьшилось.

Рядом с отражением
бледного полумесяца
в вечеряющей реке
плеснула рыба.

Она-то не знала
 об этом отражении,
хотя хлестнула по нему
 серебристым хвостиком.

Вечерний восход
 городских фонарей.

Выставлен сигнальный шар
 осенней грусти,
в виде одинокого
 оранжевого куста,
на плоском берегу
 вечереющего озера.

2014

Красный глаз
дотлевающего костра
в сыром ночном лесу.

2014

Мне показался
на другом берегу,
в вечерних сумерках,
как будто смутный дым
от кем-то брошенного
и не загашенного костра.
А это лишь была
безлистая осенняя берёза,
взмывающая к небу
из голого кустарника
к рваным облакам.

III. Проснулся и живу

МОТАЮ СРОК

С утра расстроены все струны
 моей души.
Наверно, черт играл на них
 всю ночь,
когда я перелистывал свои
многосерийные цветные сновиденья.
Проснулся и живу.
Душа вернулась
 и, дребезжащая, сидит на месте.
Пошёл ноябрьский серый день.
Как будто снова двинулся
 тюремный срок,
поскольку я свободен лишь во сне.
Работа, улицы, казённые слова...
 давно натёрли шею,
 как петля.

Но нету мыслей у меня
ни на подкоп, ни на побег.
А может, взбунтовать – против кого?
Кого я позову на бунт?
Куда я выйду за ворота?
И где они?
Молчу.
Мотай свой срок.
Почисти зубы.
Смажь
душистым кремом шею.
Потом спешу в скрипящий лифт,
словно в мешок,
потом – под морозящий дождь...

Ноябрь, 2001, Москва

ДВОЙНОЕ НЕБО

В моей душе осела грусть,
но я ей рад,
поскольку это знак
ещё живой души.
Я не боюсь
моей оставшейся,
возможно, не простой судьбы.
Но я грущу.
Грущу не по тому,
что было позади,
а по тому
чего со мною не было,
быть не могло
и никогда не будет.

Плывущий сон
манил и звал
и обманул,
хотя я знал,
что это – сон.

Искал я зелень
 ярче, чем весной,
искал я небо
 глубже и синей,
 чем в ночь июньскую
 Купала.

Хотел пройти босым по утренней тропе,
покрытой мягкой, тёплой пылью,
с цепочкой мелких крестиков на ней –
следов вспорхнувших птиц.

Искал я важный разговор.
И мне не раз казалось,
 что лёгкие слова,
которые должны всё объяснить,
они вот только что сухим дождём
 тихонько простучали
по гулким стенкам воздуха,
 ссыпаясь.

Но этих слов
 я так и не расслышал.

Мне грустно наяву.
А под моей рукой –

колючий холод каменных перил.
Блестит измятый, мокрый
уличный асфальт.
Гляжу я в небо
с блёклой синевой,
остуженное октябрём,
и всё же чувствую,
что за его экраном
скрывается другое небо,
которое я видел
лишь во сне...

Октябрь, 1991

Настроение
на восходе
может быть столь
великолепным,
что солнце
из солидарности
застрянет на небосводе.

НОЧНОЙ КОШМАР

Приснилось мне,
 что я проснулся.
Хочу заснуть опять.
Хочу уйти из комнаты,
 родимой до тошноты.
С рассветом мутным за окном,
 с соседом, кашляющим за стенкой,
 с газетой «Правда» на полу
 и тикающим будильником на стуле.

Но не могу.
Не получается!
Сон не идёт, проклятый гад!
Бессильно мучаюсь,
 и злюсь,
готов убить себя.
Не жалко!

Ну, что ж,
 я так и поступил:
зарезался
 попавшим под руку

прекрасным новым лезвием
от фабрики “Восход”.
Тогда от боли
по-настоящему проснулся
все в той же комнате,
знакомой до тошноты,
в своём родном
великом эс-сэ-сэр –
с рассветом мутным за окном,
с газетой «Правда» на полу
с соседом, кашляющим за стенкой,
и тикающим будильником на стуле.

Пощупал шею:
крови нет.
В руке зажато лезвие.
Кошмар!
Так что ж мне делать, а?..
Зарезаться опять?

Москва, 1984

ДУРАК

Расклад моей души
 склоняется к тому,
 что лирик я.
Но вот скажу себе я сам:
– Ты лирик и поэтому дурак.
Ты лирик и поэтому слабак.
Ты обречён на грусть,
 на слёзы, неудачу,
и даже
 на сумасшедший дом,
коль будешь застревать на праве
 без смысла проливать из глаз
 лирическую воду.

Родной, подумай ещё раз.
Чего ты ждёшь?
Чего такого не хватает?
Есть крыша, хлеб,
 глаза глядят,
 и руки целы.
Есть мирный быт,

работа по душе,
друзья, семья...

Ну, как у всех.

О чем ты плачешься
и что ты потерял?

По-честному:
об этом точно ты не знаешь.

Ну, лирик ты.

Никто тебе не запретит
узреть вокруг себя
волнующую прелесть:
в зелёных листьях на деревьях,
в дрожащей ряби на реке,
в улыбке сонного младенца
на коленях мамы,
и свет из чьих-то искренних
и ясных глаз...

И вытереть свои глаза,
держа в ладони вышитый
платочек.

Потом пойти
и хорошенько выспаться к утру,
перед уходом на привычную работу.

Тебе всё мало?
Можешь предъявить
 весомый счёт судьбе?
Реестр потерянных вещей,
 включая в них:
 мешок несбывшихся надежд,
 кубышку зряшных чувств
и чемодан безадресных страстей?
Тебе их жаль?
Ты можешь их пересчитать?
Проставить цену?
Боишься не попасть
 куда-то к сроку на раздачу
 каких-то дорогих,
особых треволнений?

Ну, порыдай!
Вот именно:
 дурак!

2001

Грустно –
от выбрасываемого из вазы
букета.
Как от чувства
выброшенной
жизни.

2014

Зачем мне часы?
Они же не ходят назад.
Впереди я теперь
ничего не жду!
Туда –
не опоздаю.

Пришёл
в целительную природу
и всё-таки и здесь
ушёл в себя,
как в тлеющий упорно торф.

Тлеют в глубине души
дымные очаги
безнадёжной наивности
и непредсказуемости.

Без сопротивленья отдавайся красоте,
прущей прямо на тебя,
поверх деревьев,
в виде пышного облака,
подсвеченного снизу
пронзительным закатом.
Тогда ты успокоишься.
Когда внизу почернеет
от сумерек земля.

Дым от первого
разведённого мной костра
на мокрой опушке знакомого,
и ещё голого весеннего леса
не только бросается настойчиво
в мои глаза,
но и цепляет мою душу,
заставляя и её
радостно слезиться.

Апрель, 2016

Всё, что я с чувством
воспринимал вокруг,
спряталось внутрь меня,
внутри моей души.
И тогда кругом
всё опустело.
Вот оно –
одинокчество!

2015

Сжалась, сжалась
душа.
Разжалась,
выдохнув
облачко пыли.

И вдруг сверкнула
пронзительная простота
откровения
о смысле нашей жизни.
Как молния.
Только не слышно было грома.
И снова
всё посерело.

Какое это,
хоть невысокое,
но бурное деревце!
Сколько в нём тёмных
перепутанных веточек,
мелких листьев,
и желания жить!

КОРШУН ИЛИ ПРОСТЫНЯ?

Вишу в пространстве без поддержки
среди листвы и облаков,
над бегающими внизу людьми –
по серому и пыльному асфальту.
Я стал вороной, воробьём,
притом без птичьих их забот.
Я сделался почти что коршуном,
парящим над снующими туда-сюда
авто,
но вовсе без желания упасть на них,
как на мышей.

Мне надоело быть внизу
 премудро-глупым чудаком,
 объевшимся словесных макарон,
что тянутся без перерыва
 из книг,
 экранов
 и газет.

Хочу висеть
 в прохладном майском воздухе,
 отстиранном недавними дождями,
 среди шумов и скрипов
 городских ущелий.

Я не человек.

А если и не коршун я,
то пусть хоть простыня,
 слетевшая с веревки на балконе,
 взмываясь в небеса.

Я шевелю
подсохшими концами –
величественно и вяло,
как будто это коршуновы крылья.
Мне все равно,
 как выгляжу я снизу.

И видит ли
хоть кто-нибудь меня.

Как хорошо,
что я теперь не слышу
бормочущих голов.

Игра внизу закончена.
Все карты биты.
А сколько было среди них
краплёных карт –
теперь мне все равно.

Москва, 2001

Усатый дядя,
сидящий напротив меня
на скамейке,
широко и от всей души зевнул.
И я сразу,
как будто ждал этого момента,
тоже зевнул.
Но у меня не было

столь пышных усов.
Поэтому моя блаженная улыбка
испарилась слишком быстро.

Тесноту жизни,
как тесноту
движущейся людской толпы,
легко представить.
А как представить тесноту
изматывающих переживаний
внутри души?
Как толкотню
посланцев дьявола?

Оскудела моя жизнь,
когда оскудела душой
толпа,
в которой я привык
вертеться.

2016

В моей душе
было так зябко,
что даже отражение солнца
в холодном пруду
меня потихоньку грело.

2014

Дрожащие огни
несбыточной
мечты.

Стало светлее
вокруг
и темней
на душе...

Истираются дни
в наждачной шкурке
банальных
житейских забот...

Сжимаются тиски
болезней,
сжимаются тиски
оставшихся мне лет.
А ты на что надеялся?
На расширяющуюся
ввысь,
как у мошенника Мавроди,
лотерею?

ОБРЫВОЧНОЕ

Обрывки фраз.

Обрывки слов.

Обрывки чувств.

Обрывки слёз.

Обрывки весточек

от дорогого человека.

Обрывки мыслей

и воспоминаний.

Вот так и складывается жизнь.

В обрывках можно разглядеть

мелькание

согласных и не согласных букв.

А нельзя ль порвать

и все буквы на клочки?..

2015

Я, как мёртвый стебель,
с почерневшей головой,
торчащий из белого сугроба
среди зимы.

Наклонившись,
он ещё о чем-то
говорит.

Февраль, 2013

Какой робкий закат!
Да ещё прячется
за деревьями.

Может быть,
последний?

2016

И на фоне этого унылого
серого пейзажа –
такие разноцветные
чувства!

IV. Беда, как сырость, лезет

СНЕГ И ЛИСТЬЯ

На улице вечер и ветер.
Падает первый снег.
Падают мокрые листья.
У тебя,
ещё не отвыкшей
от летнего тепла,
бредущей после работы
в мокром переулке,
озябли руки,
озябла немножко душа.

Вот кто-то высокий
остановился,
как будто захотел

взглянуть тебе в глаза.
И ты остановилась,
 смущаясь и уступая
дорогу на тесном тротуаре.
Но нет:
он просто поднимал
 свой мокрый воротник,
и прошёл,
слегка задевши
 чёрным портфелем.

Тебе этой ночью,
возможно, приснятся листья,
 прячущиеся под снег.
Они покажутся тебе знакомыми,
как чьи-то лица,
 виденные в детстве.
И тебе станет грустно,
оттого что никогда
 ты их больше не увидишь...

Ты проснёшься в тихой темноте,
одинокая и не уверенная,

ЧТО ТЫ

 в своей комнате,
и чувствуя,
 с лёгким страхом и ознобом,
что сама становишься
 падающим листком...

А, может быть, твоя
 юная душа
 сейчас переселяется
в какой-нибудь прохладный и чистый,
 пахнувший первым снегом лист.

Ранним утром, завтра,
 снег раскиснет, расплывётся...
Люди растопчут листья –
 жёлтые, красные, зелёные,
свалившиеся на мокрый асфальт.
Растопчут, не сознавая,
 что, может быть, топчут
 чьи-то души.

Октябрь, 1982

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

В окне мелькнул кусочек сна –
на фоне бледно-голубого неба.
От чистой снежной пелены,
покрывшей ночью двор,
восходит кверху мир
и тихий свет.
Повиснув низко, дремлют небеса
и провода.

Цветёт горшочек глиняный
на выступе окна --
зажглась настурция
пурпуром нежных звёзд
в прозрачной дымке
раннего рассвета.

Крадясь, уходит боль,
мешавшая дышать.
Кошачьи лапки
втягивают когти –

они, скорее, уж ласкают,
чем скребут
по оживающему сердцу.
Теперь не страшно: день придёт.

1997

ВАНЬКА-ВСТАНЬКА

Встань, Ванька, встань!
Грешно тебе грустить.
Будь гордым и не трусь,
хотя бы потому,
что страх
лишь приближает гибель,
когда грозит беда.

Беда у всех, конечно, рядом ходит,
как кот вокруг норы,
где прячется бедняжкамышь.
Зачем тебе нора?
Не будь бедняжкой, милый Ваня!

Беда, она как мировой эфир,
как сырость, лезет
во все и всякие и трещины, и щели.
Но есть надёжный щит –
улыбка на твоём накрашенном лице.
Как засмеёшься,
словно клоун на арене,
и посмотри вокруг –
у всех теплей и веселей
становится в душе.

И верь: мы все готовы
вступить за тебя,
увидев вдруг
на твоих щеках
не краску, а размазанную кровь.

Встань, «Ванька», снова,
встань!
Назло судьбе,
хотя тебя лишили ног.

Но руки есть,
и кепка надо лбом.
Под кепкой – скошенный в весёлой
и озорной гримаске рот.

Москва, 2001

Хорошо, когда есть,
что вспоминать.
Хорошо,
когда есть,
кому послушать...

ЧЕРВЯК

Тёплые струи
хлестали вздрагивающую землю
и разбудили в глубине
длинного дождевого червя.

Он пополз наверх
сквозь раскисшую
скользкую глину,
вытягиваясь и ощущая
каждым кусочком
напряжённой кожи
каждого своего кольца –
сладость и трудность жизни.

Когда он высунул
слепую голову
над поверхностью капустной грядки,
дождь прекратился.
Утомлённая бурей ночь
медленно волочила по земле
тёмное влажное брюхо.

Было тихо.
Лишь шурша, скользили с веток
последние капли в траву.

Червяк ничего не видел и не слышал,
но и для него была ночь
прекрасна.

Да и сам он был
 красавец.
Был он силён и здоров,
и не знал,
 что глух и слеп,
и что он –
 червяк.

1983

ОДУВАНЧИК

В лунном свете
 на голубой подушке
лежит незрелый одуванчик
всклокоченных, по последней моде,
и коротко подстриженных рыжих волос.
Зажмурены веки
 с неотмытой синькой.
Горькая гримаска
 на сжатых пухлых губах...

«– Кто тебя обидел,
 не привыкшую к ударам,
когда кричат и бьют,
 но уже нет игры?..»

У изголовья
 тихо стрекочет будильник,
выводя
 ровную строчку шва
по краю первой,
 неигрушечной,
 душевной раны.
За-
 жи-
 вёт.

Май, 1987

ТЕРПЕНИЕ

Ты садишься вечером,
выйдя из лязгнувшего челюстями
автобуса,

 в городскую электричку,
в покрытый пылью,
 грязно-зелёный вагон,
замедливший с натугой ход
 и вставший впритирку
к зазубренному краю платформы.

Ты смертельно устал от работы.
Ты устал от дороги к своему дому.
Ты ничего не чувствуешь,

 ничего не видишь.
Не чувствуешь железа,
 не видишь бетона,
не замечаешь толчков в спину,
но подчиняясь им,
 втискиваешься
 всё глубже и глубже
 в вагон,
в тесный проход между сиденьями.

Ты жив, но не воспринимаешь
ни себя, ни окружающих.

Ты ничего не воспринимаешь.

Всё остановилось.

Застыл непрерывный грохот.

Застряло в пространстве
бесчувственное движенье.

Замерло мелькание деревьев,
столбов и тусклых огней
за окном,

в своём привычном, бесконечном
повторении.

Застыли лица
сидящих на скамейке.

Закаменела твоя душа.

И возможно,
и наверно,

это хорошо.

Нужно застыть, окаменеть,
слиться с окружающими предметами,
людьми, скамейками,

застарелой грязью на полу,
тяжёлым воздухом в вагоне,

чтобы выжить,
чтобы вынести
 до предела терпеливо
этот унылый и тесный,
 условно движущийся мир.

А потом...
потом очнуться
 среди журчащей тишины
на последнем этаже многоэтажки,
 ближе к звёздам,
на краю чудовищного города.
И ощутить с удивлением
 стакан в руке
с остывающим крепким и сладким чаем.

И увидеть перед собой,
 в жёлтом ярком круге
от настольной лампы,
большую раскрытую книгу
 с картинкой:
«Битва римлян с варварами».
Теперь ты способен улыбнуться.

Ноябрь, 1987, Москва

Хорошо, когда у всего общества
есть нетленное чувство связи
со своим прошлым.

Если оно прерывается,
общество деградирует
до состояния стада.

Стадо затаптывает не только прошлое,
но и всё живое
на своём бегу
неизвестно куда.

2015

ПУСТОТА В ТЕСНОТЕ

Не надо
фантастических романов –
космическая эра
уже пришла на землю.

Нас
разносят друг от друга
неодолимые слепые силы.

На нашей маленькой планете,
набитой донельзя людьми,
повсюду возникают чёрные пустоты.

А дело в том
(как мне разъяснил с апломбом
знакомый кандидат
космологи-
и психологи-
ческих наук),
что мы научились ловко,
как планеты,
увёртываться друг от друга,
(когда, казалось бы, деваться некуда)
и, как нейтрино,
проходить насквозь,
не замечая,
через кого
или через что проходим.

Мы все заряжены
зарядами вселенской неприязни,
и все –
со знаком “плюс”.

Поэтому усердно и тоскливо
отталкиваемся подальше друг от друга,
ворча на тесноту.

И я ворчу.
Меня толкают.
Я окружён сейчас
со всех сторон толпой.
Кручусь без толку,
задыхаюсь...

Меня прижали
к чьей-то спине,
словно к стене.

Не увернулся.
Хочу увидеть:
обо что
иль об кого

меня
раз-
дав-
ливают?

Уж лучше –
об какую-нибудь красавицу.

Вывёртываю голову с трудом,
цепляясь носом
за чьи-то уши:
и действительно –
красотка!
Смотрю в её глаза,
но ничего не вижу, –
а только лишь
вселенскую
глухую пустоту.

Москва, 1984

Разбежались в стороны
пути,
наткнувшись
на крупный город.

Человечек
спрятался
от чувства подлого насилия
над его душой
в сильную боль
в руке –
из-за случайного перелома.

Как ему, бедолаге,
должно быть уютно
в этой боли!

1982

ПРУЖИНА

Откуда выскочила
эта пружина?
Ржавая, но, как всегда, бодрая,
упрямая и агрессивная,
пружина не может валяться без дела.

Пружина так и напрашивается
на приключения,
если её оставить скакать на свободе.

Поставьте её в дело,
Ведь без неё
кто-то сломался,
сник.

Да уж не ищите
прежнего хозяина,
ставшего паралитиком,
и жив ли он?
А дайте новое ей место,
и работу –
достойную,
и под силу.

Согните,
сожмите её,
пусть она торчит
где-нибудь в тесноте,
упираясь концами
в обе стороны.

Даже ржавая,
но при деле,
она вызывает уважение.

Вот так и ты:
сопротивляйся,
хотя бы ради самого сопротивления,
как пружина,
живущая ни для чего другого.
А если не знаешь, на что опереться
верой,
то постарайся найти,
куда упереться,
хотя бы головой и ногами,
пока чувствуешь в себе
пружину упрямства,
желание честной драки
и просто бесшабашной
тяги
к жизни.

Москва, 1988

Когда человек
 глубоко и всецело
поглощён только собою,
 он невидимка.
Кто его заметит,
 и кому он такой
 нужен?

Замёрзшую душу
 словесным кипятком
можно обжечь,
 но не согреть.

Среди снегов
 души,
как голому, среди снегов
 зимы,
невольно хочется залезть
в скорлупку тёплую
 бездушья.

Безмятежный свет
на лице девочки-подростка,
ещё не знающей,
красива она или нет –
как будто это отсвет
от тихой прозрачной воды
лесного озера
на утренней заре в начале лета.
С мягкой травой по берегам,
ещё не затоптанной
ногами рыбаков, грибников
и всяких любителей
даровой ягоды.

Потянулась к правде
и стала красивой.
У неё теперь
не только глаза,
даже кожа на лице
засветилась.

2015

И всё-таки у некоторых людей
глаза излучают что-то,
о чём они сами не догадываются.
Что-то от чего-то вечного,
не поддающегося материальному
объяснению.
Правда, если этого не бывает,
то это не означает,
что человек глуп.
Есть умники
и с круглыми
бесцветными глазами,
но без загадочной
в них глубины.

Если умная, скромная девушка,
выглядит в посторонних глазах
затюканной дурочкой,
(о чём она не подозревает),
это совершенно не значит,

что не найдётся
симпатичный парень,
способный разглядеть в ней
свою мечту.

Она настолько красива,
что может позволить себе
улыбаться,
непринуждённо
и даже поощрительно,
мне –
случайному уроду.

Терпеливо стоят
в глубоком снегу
одноногие древние липы
в заброшенном парке.
До сих пор
не ушли
за своими хозяевами.

2014

Прогибается старая аллея
под грузом
двухсотлетних лип.

Мелодия прыгающих крыш
вдоль линии горизонта
на фоне ясного заката.
Кто ж дирижёр?

Ох, как трудно художнику
примириться в городе
с раздавливающим душу зрелищем:
тысяч бетонных
прямоугольников домов,
и миллионов проколотых в них
слепых окошек.
Поневоле отбросишь кисть
и возьмёшь в руки
отбойный молоток.

И в переполненной Москве,
как ни странно,
есть немало
 пустынных оврагов
 и заросших бурьяном берегов,
где за весь день
 не увидишь
ни бездомного пса,
ни человека,
подыскивающего подходящий сук.

12.11.2013

Там,
где одинокий огонёк,
там
одинокий
 человек.

Вздрагивают круги
от крупных слёз,
падающих
в лужу
безнадёжности...

Чиркни спичкой
по высохшей душе!
Может, и загорится?

2015

Глаза горят,
как угольки судьбы.
В какую зóлу
перегорят они?

2015

Плывут тревожно вдаль
осенние больные облака.
И уплывают с ними
розы и жасмины,
и куча летних витаминов –
от загрустивших стариков.
Закон природы.

Он дул в большую ложку
с горячей с маслом кашей,
и предвкушал,
с каким же наслаждением
он её сожрёт.
При том внимательнейше слушал
льющиеся из репродуктора звуки
бетховенского гимна «К радости».
Каша, в детстве и теперь, на пенсии,
неизменно доставляла ему
искренне высокую радость.

1982

Каждый человек –
это интересная история жизни.
Но у многих
жирная или тощенькая точка
в этой истории
ставится задолго до смерти.

V. И чем ты хвастаешься, моя Россия

Как будто бы в кино
о славном корабле
с названием «Титаник»,
мы можем разглядеть
повсюду
художественные красоты
гибели России.

Но, к счастью, или несчастью,
из тонущих почти никто
конец свой
не способен сознавать.
Все прыгающие в ледяную воду
находятся в гипнозе
призраков побед.

Для призраков чего
и для какого зрителя
стараяются усердно
продюсеры и режиссёры гибели?..

2016

Свежий венок на суку
прибрежной ивы:
здесь кто-то, когда-то
и как-то утонул.

А не пора ли нам вывесить,
на последние денежки,
роскошный венок
на высоченной осине,
торчащей на обрыве,
над тонущей любимой
Родиной?

Сентябрь, 2015

Угар
 приспособленчества,
экстаз
 прислужничества
и дирижируемая злоба к тем,
кому давно не хочется
 попачкать руки
об морды
 спущенной с цепи шпаны.
И морщится от её угроз.

Воистину шекспировские страсти
 бурлят в сердцах и головах
родимой нашей
 публики!
Шекспир
 в своём гробу
спокойно может отдыхать.

2016

СЧАСТЬЕ

В превеликом сталинском лагере,
 под стылым сибирским небом,
 в душном и тёмном бараке,
 на жёстком и затхлом матраце
(на нём неизвестно, от чего и сколько
 умерло предшественников)
заключённому,
втиснутому в узкую клетку
 двухэтажных
 деревянных нар,
почти забывшему,
 кем он был в свободной жизни,
и не понимающему,
 за что он сюда попал,
тоже нужен
 хоть маленький просвет,
 хоть щёлочка смысла бытия.

Он чешет под рваным колючим одеялом
подживающий струп на колене –

после удара прикладом охранника
на прошлой неделе
– с придачей матерного
слова,
и украдкой сосёт
попавший к нему
неисповедимым путём,
неутолимо желанный,
кусочек сахара,
который он прятал от блатняг
под доской настила.

И не думает ни о чем.
Ему сейчас
хорошо!
И в голове
немножко посветлело.

Не это ли счастье?

Москва, 1993

Захлопнулась за мной
 тюрьма работы.
Захлопнулась за мной
 тюрьма квартиры.
До этого была
 тюрьма дороги.
Придёт ли
 из-за решёток сон?

2016

МИРАЖИ

Каждый день начинается с чувства,
будто открываешь дверь в пустыню.
В пустыню,
 наполненную миражами.
В ней движутся какие-то тени,
 их целые толпы,
воздух колыхается
 от лязга и грохота машин,

нависают дома,
закрывая собой облака,
а на самом деле
всего этого нет.

А на самом деле –
это призраки,
и повсюду –
песок,
лишь один бесплодный песок
до горизонта
и далеко за горизонт.
Но приходится делать вид,
что веришь миражам.
Ты киваешь,
отвечаешь им,
уклоняешься,
когда какая-нибудь тень
неловко надвигается на тебя,
а когда в её голосе слышится мольба,
даже готов погладить её
по голове.

Хотя ты знаешь,
 что все это только мнится.
Воздух пуст,
и реальны только
 твои следы,
 вмятые в белёсый сыпучий песок.
Тебе их не хочется видеть.
Лишь недавно ты понял,
 что живёшь в пустыне,
ты долго верил обману чувств,
И не улеглась ещё в сердце
 щемящая тревога
 от внезапного открытия.

Но всё-таки и сейчас надеешься,
 что за горизонтом
тебя ждёт настоящая жизнь,
а не очередной
 полуобморочный сон.
Ты весь день стремишься уйти
 из пустыни,
не оглядываясь назад,

чтобы не видеть с грустью,
как пустынный ветер
размывает дальние твои следы.

И чтобы не сойти с ума,
чтобы сохранить человеческий облик,
ты должен продолжать притворяться
на долгий день
что веришь,
как и раньше,
в мелькающие вокруг миражи,
веришь в этот лязг и шум,
всерьёз отвечаешь
на обращённые к тебе мнимые вопросы,
готов выполнить
фальшивые требования
и призывы,
и сам, как эхо,
повторяешь эти призывы.

Только не останавливаться,
только не сбиться

с намеченной точки на горизонте,
за которым, возможно,
тебя ждут живые,
не миражные люди.

1986

И чем ты хвастаешься,
моя Россия?
Своим подобием
опасного зверька,
и скрежетом зубов
из клетки,
самой вокруг себя сооружённой?

Хотя бы выкрасила
прутья!

2016

СВЯЩЕННЫЕ ПРАВА

Любая сволочь
тоже хочет жить.
Пусть и за счёт тебя.
За счёт твоих слёз и крови.
По-другому она не может.

При этом сам ты,
если не сволочь,
не можешь жить
без собственных страданий
как непрременной платы
за жизнь свою
и этой сволочи.

Чти, дорогой,
священные права
любого человека!

Мучитель имеет право
мучить,

мученик имеет право
мучиться.

Гармония мира.

2016

Всепроникающие ложь и фальшь
в стране
не могут нарастать
бессчётно, бесконечно.

Заряд тотальной лжи,
скопившись без предела,
способен разнести
всё в пух и прах,
как правдашняя бомба.

2016

Немало звонкоголосых пионеров,
«кострами взвившись»,
стали палачами.

Понадобилось их
много-много тысяч,
чтобы расстрелять в затылок
миллионы жертв.

(Гимн пионеров:

«Взвейтесь кострами, синие ночи!»)

2014

Зажглась заря.
Горела, горела
и потухла.
Потом протухла.
Всё ж недожарилась.
С сырятиной внутри.
Великая заря
коммунизма.

2015

Поля вокруг
 зарастают бурьяном
и стоят незасеянными.
Исчезли в деревнях воробьи.
Как будто раньше воробьи
 засевали поля.

2015

ПУСТЫНЯ

Есть жизнь и в пустыне.
Есть скорпионы, мушки, блошки
И муравьи –
 образцовые труженики,
граждане собственной республики –
во главе с мамашей-президентом.
Нам бы такую мамашу!
Есть ящерицы,
есть змеи,
 со своим змеиным взглядом,

кусающие на выбор,
и презирующие жертву.

Зато какая честь –
быть укушенным
элитой пустыни!

Есть даже микробы,
как везде,
готовые
тихо и без скандалов

уживаться
для своей выгоды
со всеми.

В любой нормальной пустыне –
есть замечательная для её жителей жизнь!

И каждая песчинка
знает своё место,
даже после самума.

Пустыню можно представить всякую,
и не обязательно набитую
примитивным песком.

Вот тебе пустыня

грохочущего вагона метро,
набитого оглохшей толпой.

Найдётся здесь полный набор

и змей, и ящериц, и муравьёв.

Найдутся тут

и вовсе мелкие натуры,

способные победно размножаться
и плодовито, как микробы.

Поэтами наговорены́

красивые слова

про некую пустыню

некоей большой души,

ждущей очередной боли

и прекратившей ждать счастья.

Здесь, мол, не до муравьёв и ящериц.

Да-да, бывает и так.

Боль замершей в горе души,

как песок,

забивает её всю под завязку.

Но как отпустит –

это так прекрасно!
Откуда только всё прилетает и вылезает,
шевелится и кусает,
свистит и шипит,
строит и разрушает,
выхватывая для себя
освободившееся место.

Да нет никакой пустыни!

2004

**ПРАВДА. ПОЛУПРАВДА.
ПОЛУЛОЖЬ**

А есть ли правда в полуправде?
И если она там есть,
то есть она и в полулжи.
Подобно свету в полутьме.

Да что там – в полутьме!
Давно доказано,

что ни в глубине земли –
 в каких-нибудь кладовках ада,
ни на ночной луне –
 с обратной стороны,
нет уголка, где бы царил
 полнейший мрак.

Ведь даже черно-смоляные стены,
 в средневековом каземате,
хоть слабо-слабо,
 но испускали свет –
для праведника,
готового за истинную веру
 подняться на костёр.

Выходит, нет полнейшей тьмы.
Выходит, нет и полной лжи,
 поскольку в ней,
как говорят иные люди,
хоть на чуть-чуть
 мерцает правда.

И значит, по существу,
 нет и абсолютно чистой правды.

Лишь разве только –
в голове у психов.

И получается, что ложь
иль полуложь–
это не ложь,
а лишь здоровая приправа,
и, может быть, хорошая оправа
для бедной голой истины –
нередко немощной, больной,
к тому ж с цингой.

Теперь кому-то хочется
побольше правды,
больше света.

А посмотрите:
ведь никто сейчас
и не спешит хватать
с поличным за руку продажного лжеца,
играющего с бежавшей из темницы
правдой,
хромающей от недавних пыток,
чтоб обвалить её в приличной шерсти
патриотической брехни.

От пресловутой чистой правды
как бы не ослепнуть!

А ягода желанной истины,
манившая в томительной ночи,
при ярком свете может оказаться
с большой гнильцой.

И будет очень жаль,
а голод не пройдёт.

Больная наша истина
сейчас горька
и отяжеляет душу.
С ней невозможно
благополучно жить.

Куда приятней
проглотить
полчашки милой полуправды,
и с нею вместе на полчашки –
добротной сладкой полу-лжи –
без всякого вреда
для глаз, желудка,
для души.

Москва, 1990

Наше население, нет слов,
– сплошные голубки́.
Но как легко оно –
и не голодное,
да и живущее весьма просторно –
вдруг превращается,
под взмахи ловкой
дирижёрской палки,
в орущее усердно стадо
безжалостных зверей!

Сентябрь, 2014

СПЛОШНАЯ ИЛИ В КРАПИНКУ

Порою ложь,
залившая дороги, тротуары,
глаза чиновников,
газетную бумагу,
вполне прозрачна.
Сквозь всё видно –

не глупому субъекту.
Аж становится смешно.

И если он не куплен с потрохами,
он может, при старанье,
 почти что честно
 и почти свободно
жить и дышать среди лжецов,
 и средь глупцов.

Однако ложь сплошная
 бывает столь густой
 и беспросветной,
что не понимаешь,
 дышишь ты или не дышишь,
 живёшь иль не живёшь,
в безвыходном болоте,
 или в канализации.
Тут вовсе не до смеху.

Ложь в крапинку –
это уж игра интеллигентов,
галдящих с умным видом

про относительность добра и зла,
свободы, несвободы,
правды и неправды.

Пока их не впихнут,
с руками, выкрученными назад,
в железный автозак,
и повезут
к хозяевам сплошной,
безжалостной и натуральной
лжи.

14.05.2015

Надо бы это озеро
опрокинуть и вылить в небо.
Оно забыло взять у неба лицензию
на роскошное его отражение,
настолько натуральное и прекрасное,
что самоубийца,
бросаясь в озеро,

воображает,
 что летит прямо в небо –
в самый рай.

Самоубийц надо расстреливать.
Это измена
 великой родине.
И вот этого типа
 тоже надо прикончить,
пока не успел
 покончить с собой
 самоубийством.

Спокойствие
 безысходности:
это когда она достала
везде,
 во всём,
да и солидарно –
 всех.

Вот он, российский интеллигент,
ушибленный
бессовестною властью,
личной наивностью,
любовью к родине несчастной.
Любовью к людям
а заодно и к собственной персоне.
Из нажитых ушибов
в его душе со временем
вспухают волдыри.

2015

Мои соотечественники
стали теперь
во сто крат примитивнее,
чем сто лет назад.
Но я люблю и таких.
Других нет.
А не стал ли и я в свой черёд
примитивнее
во столько же крат?

Наши верующие люди
кладут крест
небесному Господу Богу.
А кланяются при этом
дьяволу
земной власти.

2014

К своему родимому калеке
привыкаешь,
и даже любишь –
как человек.
В звериной стае
своего уroda
просто жрут.

2016

ПОДЛОСТЬ И ЧЕСТНОСТЬ

Подлость победно сияет,
сверкает и торжествует,
смакуя торжество.

Неподдельная честность
– вся в сомненьях,
в самоупрёках,
в синяках.
Она, бедняжка,
сопротивляется
победоносной подлости
всплесками неуклюжего,
еле слышного протеста.

Чтобы разглядеть теперь
сжавшуюся до макового зёрнышка,
непритворную честность
на фоне ослепительной подлости,
надо судорожно прищуриваться
до боли в глазах
и в сердце.

Дошло до того,
что честный
начинает стесняться
собственной честности.

Однако честность
среди топчущих её ног,
пусть и зёрнышком,
но «всё-таки ещё вертится».

2016

А приспособленчество
к честной жизни –
такое бывает?
Ради чего оно?
И у кого?
У бывших проституток?
У бывших наших
досточтимых депутатов?

Наверное, сие явление
встречается
довольно редко.
И не кончается ли оно
самоубийством?

2016

ПРИВАЛ

Сделав привал
на долгом пути в жаркий день,
он развесил на придорожных кустах,
севши среди них:
чёрную кепку
синюю куртку,
тёмные очки,
полосатую рубашку,
влажную от пота
оранжевую майку,
и даже воображаемый галстук
в чёрный горошек.

И всё это на фоне
 пронзительно чистого неба
 и сочной зелени
 луговой травы,
усыпанной красными и голубыми
 звёздочками цветов.

– Неужели это я! –
воскликнул он безмолвно
и освобождённо,
готовый сбросить с себя
 всё остальное,
включая:
крепкие, заграничные,
джинсовые штаны,
лохмотья веры
 в честную новую власть,
дырявую любовь
 к толпе,
 называющейся народом,
и сильно заношенную надежду
 увидеть Париж.

– Ку-ку! – раздалось в близком лесу.

Июнь, 2016

Ежели красавице-стрекозе
 оборвать крылья,
она предстанет
 отвратительным чудовищем.
Если херувима
 лишить крыльев,
он потеряет бессмертие.
А каково:
 поэту обломать крылья?!..

1982

Убить сподручнее всего
под стéнами Кремля,
под древний колокольный звон.
Убил –
 покаялся.
А Бог тут недалёко.
Боженька простит...

13.04.2015

VI. Вселенная – в одном берёзовом листке

Вспышки разума
бывают так же
необратимы,
как вспышки
чиркающей спички.

ВСЕЛЕННАЯ

Вселенная уместается
в одном листе,
слетевшем
с желтеющей берёзы над прудом.
Он перестал вертеться в воздухе,
зацепившись за вершинку

ещё зелёной осоки,
торчащей из воды,
и предлагает
рассмотреть в нём
все элементы и частицы,
из которых состоит Вселенная.
И, может быть,
если поковыряться
в нём как следует,
можно найти
даже следы анти-материи.

При ближайшем дуновении ветерка
лист упадёт
на выглядящую мягкой воду
и поплывёт дорогой,
которую можно посчитать
частью Дороги Вечности.

2014

Не бойтесь погружения
в глубину
всего пережитого.
Она только кажется
тяжёлой.
Всё там облегчается
в состоянии невесомости.
Настоящее выравнивается
с прошлым.
А облегчённое прошлое
напоминает о своей ценности,
плавно перетекающей
в настоящее.

Запомнить надо только то,
что невозможно описать
словами.
Всплывёт потом
без всяких слов.
Слова не будут и нужны.

Смысл нашей жизни в том,
чтобы жить не ради жизни,
а ради её человеческого смысла.
Даже понимая,
что её смысл до конца
никогда не будет открыт.

И будет пылкий спор
с нежелающими его открыть.
Или с утверждающими,
что смысла жизни
у человека –
не более,
чем у животного.

Воспринимать ли
окружающую
мощную красоту
сразу, как потоп,
рискуя утонуть,

или по-хитрому
разделить этот потоп
на ручейки?

В тёплом пепле
грандиозного пожара
можно почувствовать себя
вполне уютно.
Если твоя душа
сгорела –
до окончания пожара.

2016

СЛОВА И ДУША

Добро и зло
возникли на земле,
когда из плотного тумана,
или глухой полночной мглы,

из звенящего света,
из глубин первобытного мозга,
появились слова,
облачённые в слышимые
или неслышные звуки,
и в отдельные кусочки речи.

И сразу разделились
на добрые и злые,
искренние и лживые –
слова, слова, слова...

Возможно,
подлая иль добрая,
искренняя иль лживая,
душа явилась в человека,
когда появились в нём
слова.

Душа любая –
без произнесённых или скрытых слов,
наверно, невозможна.

Адам,
наш милый предок,
тут же заговорил,
когда Всевышний
вдунул в него душу.

Настроение,
не обозначенное
живыми словами—
имеет ли оно право
на существование?

Ближняя берёзка
смотрится выше
дальних небоскрёбов.

Облака и в грязной луже
остаются
чистыми облаками.

2015

В крепкий мороз
чёрный асфальт
 между белыми сугробами
озябшему прохожему
 кажется тёплым.

Отражения лесных вершин
 сужают озеро.
Сгоняют его к середине.

Так и в памяти
 отражения растущих теней
от случившихся грустных событий
почти не оставляют в ней
 светлой сердцевины.

2014

Мёртвые деревья
даже в бурю
не качают вершинами.
Они просто
грохаются на землю.

Тяжёлые росы
после тяжёлой
битвы.

Уходя от зрелища сильной красоты,
поищи своими глазами вокруг
другую –
хоть какую-нибудь,
хоть малюсенькую, простенькую.
И попрыскай ею свои чувства,
как духами
со стойким ароматом ландыша.
Иначе не избежать
щемящего чувства
безвозвратности потери.

Удовольствие,
 словно палка,
имеет два конца:
если один –
 сахарный,
то другой –
 обязательно кусается,
 как змея.

1980

Ножницы ног
 стригут
 время.

Сгущенье слов
 способно дать
 сильнейший взрыв.

КЛУБОК

У многих жизнь –
 клубок,
 проеденный насквозь
прожорливою молью времени.

Захочешь размотать
 обратно,
чтобы взглянуть,
 чем жил,
 чего ты стоил,
потянешь нить –
и даже станет боязно
 на краткий миг:
а что там разматается?

Но ты узришь
 лишь жалкий хвостик жизни.

Упал клубок
 и откатился под кровать.
Кряхтя натужно на коленях,

вышариваешь его из пыльного угла,
вновь тянешь нить.

И вновь в руке –
безмолвный,
и непривлекательный на вид,
обрывок.

Ну, ясно, как ни жаль,
что не размотать назад
скрутившиеся плотно дни и годы,
и скрученные нервы,
и переплетённые мудрёно
радости и боли,
ошибки и победы,
со вкусом съеденные молью.

А будешь
чересчур упорен,
получишь пригоршню,
не стоящих копейки,
мусора и пыли.

Да лучше бы не трогать!

Пускай останется, как есть,
многозначительная видимость
солидной полноты
и круглоты.

1986

Когда человек
начинает пылко
уговаривать окружающих,
чтобы они радовались жизни –
несмотря ни на что –
это может быть признаком,
что он начинает
уговаривать в этом и себя,
чуя приближение
конца своей жизни.

2016

В нём всё стало
ясным и разумным,
и ничего лишнего,
как на голем тополе
в светлый ветреный день,
поздней осенью,
перед близким снегом.

1995

Не так уж важно,
что пролетевший день
укоротил твою земную жизнь
ещё на единицу дня.
Подумаешь!

Важней неизмеримо: сколько
ты всякого, окрашенного
чувством,
сумел увидеть в этом дне.

И поверь,
 пожалуйста, поверь,
тогда всё это
ты унесёшь с собою
 в вечность.

Вполне законна
 поэтическая грусть,
когда сердечно привыкаешь,
 к великому дерьму,
а тут позвали
 от него уйти.
Но не печалься чересчур,
 поэт:
с собою
 унесёшь
его амбре
 на коже и душе.

Одно дело –
поддаваться
своей слабости.

Совсем другое –
наслаждаться
своей слабостью,
давая под дых
тому, кто этому мешает.

Плывёт безжалостное время
по реке вечности.
Словно ненасытный крокодил
по широкой реке Конго.

Дни уходят. Куда?
Уходят –
значит, потом найдутся?
Да не надейся:
они просто
испаряются.

Красоту не надо
 непрерменно понимать.
Её достаточно
 увидеть и почувствовать.

Поиски жизни –
 это тоже жизнь.
И может быть –
 не самая худшая.

Назойливо яркий свет
 может всё затемнить.
А непроглядная тьма,
 наоборот,
 способна
 помочь увидеть.

VII. Слоны топтались и ушли

Сжимаются во мне чувства
и разжимаются.

Сжимаются
и разжимаются.

Когда же я смогу
о них сказать,
что обнимаются!

Расчехлить
двустволку чувств!

Расчехлить
пулемёт желаний!

И расцветут ландыши,
и запоют соловьи!

Я успокоился,
 когда вошёл в толпу.
В толчках боками,
в старинных «Извините»,
и в современных
 «Куда прёшь»
почувствовал я общество,
 его защиту.
Умей-ка радоваться тому,
что ты
 не отщепенец.

2015

Всем дурам
или не только дурам
 ужасно хочется
 красивой быть, неотразимой.
Но им придётся
 соглашаться,

что счастье или несчастье красотки,
попавшей в глянцевый журнал,
имеет цену,
как у товара.
Шикарную красотку –
хочет она того
или не хочет –
повсюду ловит рынок,
с его циничным
и безжалостным законом.

ПОДСОЛНУХ ДУШИ

Если душа
пропиталась тоской
и невыносимо набухла
от несбывшихся надежд,
не суетись:
дай ей потихоньку
подсохнуть и растрескаться
на кучку мелких долек,
притиснутых друг к другу

словно зёрна
в перезревшем решете
подсолнуха.

Чем мельче зёрнышки,
тем легче страдания.
И несчастную душу,
по кусочкам,
хоть как-то,
но будет легче
куда-то пристроить.

Москва, 1981

ПРАВО НА ТОСКУ

Всяк гражданин имеет право
на грусть
и даже на тоску.

И горький пьяница,
и наркоман...

И трезвый дядя со свечой
у стенки под иконостасом –
в полупустом и полутёмном храме.
И бомж небритый в грязном пиджаке,
понуро уходящий от помойки,
уже прочёсанной другим бомжом.

И юноша,
с почти что пушкинским
«горящим умным взором»,
уоставший прятаться
от глупого армейского призыва.
Он не поймёт никак,
зачем ему
казармы вместо института.
Давно мифическим врагам –
противно стало
марать об нашу дорогую,
бессмысленно загнившую страну
свои откормленные руки.

И музыкант,
со сросшейся наперекосяк ладонью,

имеет право,
по временам,
на вой своей души,
пронзительный и не музыкальный.
Попался он
под рúку наглым соплякам двора,
искавшим деньги
на бутылку пива.
когда им взбренилось
испробовать на нём
удар железного прута.
Совсем недавно этот музыкант
кивал согласно головою
под чью-то болтовню
по поводу защиты драгоценной
и нежной нашей юной поросли
от взрослых оплеух.

Но, безусловно, больше всех
имеет право
на грусть и на тоску
поэт.

Ну, это же – эго вода и хлеб!
Так дайте же ему взглянуть:
на сломанную руку музыканта;
в пустую сумку
 грустного и грязного бомжа;
на чёрно-синие рубцы
 на сгибе рук у наркомана,
в отчаянье его зрачков,
 когда слетела в унитаз
с развёрнутой дрожащими руками
упаковки
 спасительная от ломки доза,
когда он прятался
 от матери в сортире.

Пускай поэт незримо постоит
 у дядьки со свечой,
приклеенного своей тоской
 к стене собора.

И если после этих зрелищ наш поэт
не загорится, как гигантская свеча,

ответной грустью и лирической тоской
и не найдёт
волнующей и яркой рифмы
 унитазу,
спокойно поломайте ему руки
 или ноги.

Обязан каждый гражданин
 оправдывать свои права.

Москва, 2001

Червячки,
мелькающие под видом людей
мимо меня,
 одинокого,
сидящего на скамье,
 успокаивают.
Пусть роются в каком-нибудь газоне
 и удобряют землю.
И я бы рад

себя представить
одним из червячков,
довольных
изобилием навоза.

2015

Слоны топтались
и ушли.
Земля вздыхала
и молилась Богу.

Нет ничего страшнее
пустоты.
Там чёрные:
Никто и Ничего.
И всё-таки как будто бы
глядят оттуда
жуткие глаза.

Я хотел погреть свою душу,
по дороге домой,
у маленького костерка
на лесной опушке.
А тут кто-то поджёг весь лес.
Как не сказать спасибо
за оценку
этакой широты
моей души.

Май, 2016

Обгорелые пни
выглядят симпатичней,
чем обгорелые деревья.
Притом
не вызывают жалости.

У него случился приступ
гигантомании:
все пирамидальные тополя,
вдоль железнодорожного пути,
стали в его глазах
вениками.

Яркая красавица.
может заслонить
чувствительному юноше
большое солнце.
Он может и не заметить
наступления ночи.

Перед ним,
как будто приподнялась
вежливая шляпа
старинного фонаря:
– Извините!

По широкой аллее
текла река
кислорода.

Раскрытые глотки
мусорных урн,
ожидающие пищи.

Крепкие верёвки
русских
женских кос.

2015

Даже в самой глухой чаще,
куда тебе доведётся
скрыться
от невыносимых людей,
в самых густых ветвях
деревьев,

найдётся дырка
чтобы устремить
свой мрачный взгляд
в чистое голубое небо.

Фонарь освещает?!
Да нет:
он просто
прикрывает
темноту.

Если ты
слишком усердно
ищешь в себе
точку опоры
для своих расстроенных чувств –
это может перейти
в самоедство.

Лирика,
 помноженная на злость,
даёт
 истеричку.

Обезболивание
 души
её постепенно
 лечит
 от тоски.
Но излеченная,
 она, скорее всего,
 исчезнет.
Без боли
 не бывает
 души.

Смысл жизни теряется,
если чересчур упорно
его искать
и слишком глубоко
копать.

Он
на поверхности жизни,
а не внутри.

НАШЕ ТЕЛО

Наше тело
иногда кажется нам
чересчур большим.
Уж не хватает на него
белков, жиров и витаминов,
сметаны, колбасы, овсяных круп,
а также докторов.
И где-то в его трясинах
затерялась
маленькая душа,

потемневшая и сморщенная,
как пригодная только для компота
груша.

1984

Красавцу маркизу
очень красиво
отрубили голову,
по воле короля.
Его поклонницы
были очень довольны.

Прижатые
к голому бледному черепу
красные уши.

Бывает игра слов,
как игра слонов.
Затаптывается
всё вокруг.

2016

Речная волна
бежит к тебе без конца
и исчезает под тобой,
под берегом.
Ты что, не чувствуешь,
сколько неподдельного волнения
скопилось под твоей
сидящей прочно задницей?

Я чуть-чуть меньше
вижу.
Я чуть-чуть меньше
слышу.
Я чуть-чуть меньше
чувствую.
Я чуть-чуть меньше
страдаю.
Как хорошо!

2016

Всунули шаткую лестницу
в омут
бездонных
и безнадежных чувств,
но никого не спасли.

Хоть что-то разжевать,
не торопясь,
и затолкать в желудок –
вот жизни цель у многих нас
(если не у всех).

Смущает кой-кого,
что уж похоже
на зверей.

Но может успокоить в нас эстета то,
что мы,
в отличие от милых кошек
и гиен вонючих,
не поглощаем свою жертву
целиком --
с костями,
шерстью,
потрохами.

И моем с мылом руки
перед едой.

2016

Обрывки радости,
 потоки горести,
 лавины скуки...

Все эти наши
 переменчивые страсти
свинье нормальной
 непонятны.

2016

Родные чайки,
 чистенькие чайки,
свободно реют
 и бросаются красиво,
как бы их целуя,
на волны серебристые
 Москвы-реки.

Недавно я узнал,
со вздохом,
что чайки её любят
не просто,
как лихие патриоты,
а за плывущие
по ней отбросы.

2016

Грусть воспоминанья
о прошедшем...
Она бывает сладкой,
горькой,
или даже жгучей.
И усыпляющей,
словно наркотик,
когда прошедшее
переползает тихой сапой
в пустое настоящее.

Когда ничего не происходит,
всегда что-то происходит.

Когда ничего нет,
всегда что-то есть.

Когда всё кругом –
одно и то же,
в любое мгновение
всё становится другим.

И хочется от этого сознания
бежать,
не ведая,
за что хвататься:
за голову или за нóги?

Когда твою душу
прищемило грустью
от зрелища
окружающей красоты,
и в ней зазвучала
небесная музыка,

можешь даже поплакать под неё.
Только не сбивайся с такта
и не фальшивь.
Не то получишь в ухо
от Творца.

Обильные слёзы
чувствительной душе,
помогают хорошо расти,
как дождевая влага –
молодому лопуху.
Пока не наступит
сухость мудрости.

Тогда поливка
всякой лирикой слезливой
ей может даже навредить.
От лишней сырости душа
способна запросто загнить.

2015

Дерьмо бывает
очень изошрённым.
Хотя бывает примитивное дерьмо,
без всяких шансов на вниманье.
Полно́
градаций разнообразных
в промежутке.
А не затеять ли
нам конкурс
всероссийского дерьма,
С солидным кушем для призе́ров?
И плясками эстрадных звёзд
вокруг общественных сортиров.

Поэт прекрасно владел слогом,
но не словом.
Стихи получались звонкие,
но пустые.

Человеку надо дать иногда
почувствовать то же,
что чувствует обезьяна,
когда сосёт банан.

Богатое пространство у души.
Тут есть и ножики, и пряники, и веники,
и шишки, и шиши.
И люди с этими шишами.
Как много их!

Мусорную свалку
лучше бы устраивать
в виде растущего вулкана
на необитаемом острове.
Вулкан издалека
всегда красив.
Даже если это вулкан
человеческого безобразия.

Измятая перепоем морда.
К ней можно прицепить –
ну, что угодно!
Хоть дохлую мышь.

Из нас кое-кому
совсем не хочет небо
открываться.
Да перебьётся, блин!

Включил желудок и поджелудок.
Включил печёнку.
Включил кишечник.
И почки.
Отужинал.
Отсморкался.
Живу!

Говорят: напился,
как свинья.
А почему бы и не позволить
человеку
перевоплотиться
в другое существо?
Интересное ведь приключение!
И не такое уж дорогое.
Гораздо дороже
съездить в Африку
к обезьянам.

1982

Мелькает мысль,
как мышшь.
Такая же пушистая и бойкая.
Пытаешься её схватить –
а она может
и куснуться.

Мокрые поцелуи
раздавленных комаров
на щеках.

Человек – пигмей,
клоп ползучий –
перед своими
грандиознейшими
творениями,
выпирающими за облака.
Но как был клопом,
так и остался.

Спорт – лучший способ
укрепления здоровья.
Боксёр,
дубася изо всех сил противника,
конечно, должен,

с очередным увесистым ударом,
присовокуплять слова:
ну, будь здоров,
ну, будь здоров,
всегда здоров!

Чтобы как следует
вкусить жизнь,
нужно тщательно и упорно
разжёвывать её
до состояния киселя.
Дабы не подавиться.

Выбравшись
на лоно природы
он хотел воспринять
её прекрасное естество,
но продолжал воспринимать
лишь естество
своих внутренностей.

Невольню посочувствуешь
 большому ливню,
пронёсшемуся с грозой
 под вечер по Москве
 и смывшему с неё дерьмо.
Пришлось ему заняться грязным делом
 своими чистыми руками.

Может случиться и так,
что всю твою судьбу
 перевернёт
какая-нибудь
 скрюченная старушка
 в заляпанных грязью галошах.
Пути судьбы неисповедимы.

Даже в протухшей калоше
давно заткнувшегося
городского фонтана
поверхность воды
от наскоков ветра
колышется взволнованно
и разнообразно.

Бывают слова – искры.
Бывают слова – помои.
Или нарезанная колбаса.

Отвлекаются люди,
отключаются.
Повисают, как тряпки,
на беспроводной связи
мобильников
с пустыми
виртуальными разговорами.

Нас слишком много.
Но давайте все
дружно выдохнем
и впустим
ещё одного.
Всем
жить хочется.

Первый
пронёс мимо меня подушку.
Второй
пронёс матрас.
Третий –
пуховое одеяло.
Четвёртый несёт непонятно что.
А пятый сзади
просто кричит:
Быстрее, быстрее!

Встав на костыли,
он стал глядеть
с улыбкой
на людей.

А хватит ли
хороших костылей
на всех
в родной моей
травмированной стране?

22.09.2016

Что-то оскудевает
моё окруженье
от достойных существ.
Скоро останутся
для искреннего общения
лишь
непродажные вороны.

2016

Вот сейчас
 потихоньку пойдём.
Откашлявшись.
Возьмём в руку палку.
К тому ж,
из-за склероза
 забудем взглянуть,
осталось ли ещё над головой
 синее небо.

2016

Застывшие,
 невидящие
 глаза старика.
Он не слепой.
Ему просто
надоело
 видеть.

2016

Везёт же пьянчуге,
когда у него в глазах
всё начинает двоиться:
два солнца,
две машины,
две жены...
Осталось только поблевать
в две лужи
и послать всем привет.

Счастье –
это то,
что мы всегда теряем.
Теряем...
не имея.

Слепой, прозрев,
довольно быстро забывает,
что ему полагается
быть счастливым.

Обжиться можно
и на родной помойке.
Не понимают этого
лишь дети.
Ещё не доросли
до патриотов.

02.05.2016

Теперь я должен
экономить время.
Эх, если бы время
экономило меня!
А фигурки!
Обойдётся.

13.05.2016

СОДЕРЖАНИЕ

I. Я лечу в свою судьбу

Туннель	3
«Все ушли...»	4
«Какой загадочный...»	5
«Небо затянуло...»	5
Обман стекла	6
Клён	7
Октябрь	7
Я тень	8
Как всё просто	10
«Сумей, поэт...»	11
Пришёл покой зимы	12
«Бывает человек-оркестр...»	13
Окурок	14
«Жизнь...».....	16
«Несостоявшееся будущее...»	17
«Очищающие раскаянием...»	17
«Какой он тёплый...»	18

II. Прыснули лучи из дырки облаков

Декабрь	19
«Широкий веер...»	20

«Перепутанная проволока»	20
«Зимнее дерево...»	21
«Увидеть чёрных птиц...»	21
«Мерцающие вспышки...»	21
«Глубина зимы...»	22
«Вспухли сугробы...»	22
«Разговор немых...»	22
«Чёрные иероглифы...»	23
«Закатное солнце...»	23
«Повисла первая звёздочка...»	23
«Телеграммы почек...»	24
«Мигающие лесные глаза...»	24
«Мчится вершина сосны...»	24
«Солнце, садясь в весеннем лесу...»	24
«Берёза на краю леса...»	25
«Прыснули лучи...»	26
«Какая симпатичная...»	26
«Малярийная желтизна...»	26
«Заходящее солнце...»	26
«Весёлый дуб на краю оврага...»	27
«Прижались две тонкие...»	27
«Солнце пристально смотрело...»	27
«Задумчиво пульсирует вода...»	28
«Столько прошло...»	28
«Мелькают зубы редких фонарей...»	28
«Вот куст проснулся...»	29
Доступность бессмертия	29

«Солнце, поёживаясь...»	30
«Струя извилистой тропинки...»	30
«Струны лесных отражений...»	31
«Вид спокойно плывущей чайки...»	31
«День застыдилась...»	31
«Взрыв заката...»	32
«Всплывают сумерки...»	32
«Кажется ли младенцу...»	32
«Запятая вечернего солнца...»	32
«Солнце, сползая к закату...»	33
«Уполз за горизонт...»	33
«Рядом с отражением...»	33
«Вечерний восход...»	34
«Выставлен сигнальный шар...»	34
«Красный глаз...»	35
«Мне показался...»	35

III. Проснулся и живу

Мотаю срок	36
Двойное небо	38
«Настроение на восходе...»	40
Ночной кошмар	41
Дурак	43
«Грустно...»	46
«Зачем мне часы?...»	46
«Пришёл в целительную природу...»	47

«Без сопротивления отдавайся красоте...».....	47
«Дым от первого...».....	48
«Всё, что я с чувством...»	48
«Сжалась, сжалась...»	49
«И вдруг сверкнула...»	49
«Какое это, хоть невысокое...»	50
Коршун или простыня?	50
«Усатый дядя...»	52
«Тесноту жизни...»	53
«Оскудела моя жизнь...»	53
«В моей душе было так зябко...».....	54
«Дрожащие огни...».....	54
«Стало светлее вокруг...»	54
«Истираются дни...»	55
«Сжимаются тиски...»	55
Обрывочное	56
«Я, как мёртвый стебель...».....	57
«Какой робкий закат...»	57
«И на фоне этого унылого...».....	57

IV. Беда, как сырость, лезет

Снег и листья	58
Выздоровление	61
Ванька-встанька	62
«Хорошо когда есть...»	64
Червяк	64

Одуванчик	66
Терпение	68
«Хорошо, когда у всего общества...»	71
Пустота в тесноте	71
«Разбежались в стороны...»	74
«Человечек спрятался...»	75
Пружина	75
«Когда человек...»	78
«Замёрзшую душу...»	78
«Среди снегов...».....	78
«Безмятежный свет...».....	79
«Потянулась к правде...»	79
«И всё-таки у некоторых людей...»	80
«Если умная, скромная девушка...»	80
«Она настолько красива...»	81
«Терпеливо стоят...».....	81
«Прогибается старая аллея...».....	82
«Мелодия прыгающих крыш...».....	82
«Ох, как трудно художнику...»	82
«И в переполненной Москве...»	83
«Там, где одинокий огонёк...».....	83
«Вздрагивают круги...».....	84
«Чиркни спичкой...»	84
«Глаза горят...».....	84
«Плывут тревожно вдаль...»	85
«Он дул в большую ложку...»	85
«Каждый человек...»	86

У. И чем ты хвастаешься, моя Россия

«Как будто бы в кино...»	87
«Свежий венок на суку...»	88
«Угар приспособленчества...».....	89
Счастье	90
«Захлопнулась за мной...»	92
Миражи	92
«И чем ты хвастаешься, моя Россия?»	96
Священные права	97
«Всепроникающие ложь и фальшь...».....	98
«Немало звонкоголосых пионеров...»	99
«Зажглась заря...»	99
«Поля вокруг зарастают...»	100
Пустыня	100
Правда. Полуправда. Ложь	103
«Наше население, нет слов...».....	107
Сплошная или в крапинку	107
«Надо бы это озеро...».....	109
«Самоубийц надо расстреливать...»	110
«Спокойствие безысходности...».....	110
«Вот он, российский интеллигент...».....	111
«Мои соотечественники...».....	111
«Наши верующие люди...»	112
«К своему родимому калеке...»	112
Подлость и честность	113

«А приспособленчество...».....	114
Привал	115
«Ежели красавице-стрекозе...»	117
«Убить сподручнее всего...»	117

VI. Вселенная – в одном берёзовом листке

Вспышки разума	118
Вселенная	118
«Не бойтесь погружения...»	120
«Запомнить надо только то...»	120
«Смысл нашей жизни в том...»	121
«Воспринимать ли...»	121
«В тёплом пепле...».....	122
Слова и душа	122
«Настроение...»	124
«Ближняя берёзка...»	124
«Облака и в грязной луже...»	124
«В крепкий мороз...».....	125
«Отражения лесных вершин...»	125
«Мёртвые деревья...»	126
«Уходя от зрелища сильной красоты...»	126
«Удовольствие, словно палка...»	127
«Ножницы ног...».....	127
«Сгущенье слов...».....	127
Клубок	128

«Когда человек...»	130
«В нём всё стало...»	131
«Не так важно...»	131
«Вполне законна поэтическая грусть...».....	132
«Одно дело – поддаваться...»	133
«Дни уходят. Куда?..»	133
«Красоту не надо...»	134
«Поиски жизни...»	134
«Назойливо яркий свет...»	134

VII. Слоны топтались и ушли

«Сжимаются во мне чувства...»	135
«Расчехлить двустоволку чувств...»	135
«Я успокоился...»	136
«Всем дурам или не только дурам...»	136
Подсолнух души	137
Право на тоску	138
«Червячки...»	142
«Слоны топтались и ушли...»	143
«Нет ничего страшнее...».....	143
«Я хотел погреть свою душу...»	144
«Обгорелые пни...».....	144
«У него случился приступ...».....	145
«Яркая красавица...»	145
«Перед ним...»	145
«По широкой аллее...»	146
«Раскрытые глотки...»	146

«Крепкие верёвки...»	146
«Даже в самой глухой чаще...»	146
«Фонарь освещает...»	147
«Если ты слишком усердно...»	147
«Лирика, помноженная на злость...»	148
«Обезболивание души ...»	148
«Смысл жизни теряется...»	149
Наше тело	149
«Красавцу маркизу...»	150
«Прижатые...»	150
«Бывает игра слов...»	151
«Речная волна...»	151
«Я чуть-чуть меньше...»	152
«Всунули шаткую лестницу...»	152
«Хоть что-то разжевать...»	153
«Обрывки радости...»	154
«Родные чайки...»	154
«Недавно я узнал...»	155
«Грусть воспоминанья...»	155
«Когда ничего не происходит...»	156
«Когда твою душу...»	156
«Обильные слёзы...»	157
«Дерьмо бывает...»	158
«Поэт прекрасно владел слогом...»	158
«Человеку надо дать иногда...»	159
«Богатое пространство у души...»	159
«Мусорную свалку...»	159
«Измятая перепоем морда...»	160

«Из нас кому-то небо...»	160
«Включил желудок и поджелудок...»	160
«Говорят: напился, как свинья...»	161
«Мелькает мысль, как мышь...»	161
«Мокрые поцелуи раздавленных комаров...».....	162
«Человек – пигмей...»	162
«Спорт – лучший способ...».....	162
«Чтобы как следует вкусить жизнь...»	163
«Выбравшись на лоно природы...».....	163
«Невольню посочувствуешь...»	164
«Может случиться и так...»	164
«Даже в протухшей калоше...».....	165
«Бывают слова – искры...»	165
«Отвлекаются люди...»	165
«Нас слишком много...»	166
«Первый пронёс...».....	166
«Встав на костыли...».....	167
«Что-то оскудевает моё окруженье...»	167
«Вот сейчас потихоньку пойдём...».....	168
«Застывшие, невидящие глаза старика...»	168
«Везёт же пьянчуге...»	169
«Счастье – это то, что мы всегда теряем...»	169
«Слепой, прозревший...».....	169
«Обжиться можно и на родной помойке...»	170
«Теперь я должен экономить время...».....	170

ISBN 978-5-906927-17-0

Мирошниченко Лев Дионисович

СГУЩЕНЬЕ СЛОВ

ВЕРЛИБРЫ

Литературный редактор: Мирошниченко Е. Л.

Компьютерная вёрстка: Юхнова Н. М.

Издательство «Перо»

109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29–33, стр. 27, ком. 105

Тел.: (495) 973–72–28, 665–34–36

Подписано в печать 09.12.2016. Формат 60×90/16.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 11,375. Тираж 200 экз. Заказ 875.

Отпечатано в ООО «Издательство «Перо»

